

**СОВРЕМЕННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ:
ПАНМИФОЛОГИЗАЦИЯ, ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ
И КРИЗИС ПОСТМОДЕРНА**

Е. В. Пилюгина

Московский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 15 октября 2014 г.

Аннотация: в статье исследуется ключевой признак современного социума и текущего мирового социального кризиса – панмифологизация действительности. В призме феномена панмифологизации анализируются актуальные информационные войны (в том числе украинские события) и потенциальная трансформация общества постмодерна; выявляются условия панмифологизации действительности: сингулярность социального бытия и транспарентность социального сознания.

Ключевые слова: сингулярность, транспарентность, панмифологизация, миф, мифологема, симулякр, импlosion, тоталитарная идея.

Abstract: in the article is investigated the key sign of contemporary society and the current global social crisis – pan-mythologizing of reality. There is analyzed current information warfare (including, Ukrainian events) and potential transformation of the postmodern society in the prism of the phenomenon of pan-mythologizing; identifies conditions of pan-mythologizing of reality: the singularity of social existence and transparency of social consciousness.

Key words: singularity, transparency, pan-mythologizing, myth, mythologem, simulacrum, implosion, totalitarian idea.

Не исключено, что идея мифа представляет собой саму Идею Запада в ее постоянных репрезентациях ...

Не ведет ли это к самому надежному способу распространения и угрозе того, от чего мы так хотим избавиться?

Ж. Л. Нанси

Наше общество является привилегированной областью существования мифических значений.

Р. Барт

Сегодня человечество снова оказалось «на острие», в некоторой точке бифуркации, после прохождения которой возможны различные ветвления мирового социального процесса. Украинский кризис и связанные с ним резонансные события стали только наиболее зримым воплощением происходящей системной социальной трансформации с непредсказуемыми последствиями. Человеческое сообщество шло к этому не год и не два: весь период постмодерна, активные проявления которого, согласно Ж. Лиотару, обнаруживаются уже в 70-е гг. прошлого столетия. И так как «эпоха предела оставляет нас на пределе совместно» [1, с. 91], а предельной формой мышления, способной обеспечить «схватывание бытия как смысла и смысла как бытия» [там же], всегда являлась философская

мысль, полагаем, пришло время произвести некоторую философскую транскрипцию текущих, безусловно, исторических, событий, выявив их предельные, если угодно, метафизические, основания.

Геополитические, этнические, экономические причины и предпосылки текущего кризиса не могут заслонить, на наш взгляд, главного: современный глобальный кризис – это кризис общества постмодерна. Сегодняшняя социальная действительность уже не в «состоянии постмодерна», которое фиксировали философы постмодернистского направления Ж. Лиотар, Ж. Деррида, Ж. Бодрийяр, Ж. Делёз, а в состоянии трансформации постмодерна; что затем последует, переход к некоему постпостмодерновому социальному пространству или всего лишь модификация постмодерновой среды, пока можно только предполагать. На данный момент ясно одно: если постмодерновое общество, согласно Ж. Бодрийяру, пребывало в состоянии имплозии – накопления некоторых внутренних факторов, – создающем опасность латентного внутреннего взрыва, то современность можно охарактеризовать как ситуацию собственно взрыва; социальный «чирей» прорвался, как и было обещано, «вовнутрь»; «черная дыра» постмодерна взорвалась, и в этом адском пламени есть опасность сгореть всему человечеству.

Следует отметить, что постмодернистская философия и связанные с ней течения (деконструктивизм, постструктурализм) давно предрекали возможность такого взрыва, видя его предпосылки в принципах коммуникативной прозрачности, идейном распаде («недоверия к метанарративам»), меркантилизации «знания» (Жан Лиотар [2]), непрерывной деконструкции реальности (Жак Деррида [3]), в результате чего социальная жизнь приобрела вид хаотичного полилогичного производства виртуальных образов («ветвлений реальности»), странным и нередко непредсказуемым способом активизирующихся в действительности – ризомы (Жиль Делёз [4]); переизбытку всего, особенно информации и, как следствие, инфляции информации и симуляции реальности – процессу создания «реальности без реальности» посредством масс-медиа (Жан Бодрийяр [5]).

Не умаляя важность указанных признаков постмодерна, считаем необходимым обратить внимание на еще один, позволяющий уже своим присутствием маркировать и общество, и текущий масштабный социальный кризис как постмодерновые: тотальная мифологизация происходящего.

Мифы постмодернового общества программируют социальную жизнь, наполняя ее определенными значениями, обеспечивая сущность социального как такового. Современные социальные мифы (мифологемы) – это устойчивые системы определенных значений, обеспечивающие значимость конкретных событий и превращение фактов и явлений в события. Постмодерн – период повсеместного распространения мифологем, эпоха повальной мистификации и панмифологизации действительности.

Панмифологизация реальности в обязательном порядке предполагает соблюдение двух важных условий: сингулярность бытия и транс-

парентность сознания. Под сингулярностью понимается контент многообразных сигнификаций, знаков и значений различных культурных (в виде аттракторов и нарративов) и социальных (в виде событий) явлений, обеспечивающих модальность бытия и предстающих в форме того или иного социального субъекта или сегмента социальной жизни: индивида, группы, сообщества; политики, экономики, рекламы; дискурса, конфликта. Ж. Делёз в «Логике смысла» определяет сингулярность через колоритные образы «поворотных пунктов и точек сгибов» («складок»), «узлов, преддверий, центров, точек плавления, конденсации и кипения, точек слез и смеха, болезни и здоровья, надежды и уныния, точек чувствительности» [6, с. 80]. Ж. Л. Нанси, развивая идеи Делёза, называет сингулярность «открытостью связи несвязности», в результате чего достигается обращенность сингулярных субъектов друг к другу, их готовность к взаимодействию и отношениям, но не сами взаимодействие и отношения [7, с. 92]. В маркировке современного социума как сингулярного фиксируется непрерывная и тотальная коммуникация всего со всем и в то же время разорванность социального бытия; бесконечный полилог безгранично одиноких и сосредоточенных на себе социальных субъектов-монад; вынужденная актуальная экстраверсия потенциальных интровертов.

Наиболее яркой практической реализацией сингулярного мира стало интернет-пространство. Сингулярности: отдельные потребители и создатели, а также сайты и блоги, социальные сети – все участники, техники и технологии киберпространства. Социальные мифологемы же выполняют роль ключевых программ, «браузеров» социально-информативной сферы.

Второе условие панмифологизации действительности – транспарентность сознания – обеспечивается принципиальной свободой коммуникации и информации, снимающей любые ограничения и в результате аннулирующей ценностное восприятие действительности (или, по меньшей мере, создавшей ситуацию «диффузии ценностей»). На протяжении эпохи модерна, особенно в XX в., Запад, а потом и все человечество интенсивно стремились к освобождению – «освобождению политического и сексуального, освобождению сил производительных и разрушительных, освобождению женщины и ребенка, освобождению бессознательных импульсов, освобождению искусства» [8, с. 3]. И вот как пессимистично констатирует Ж. Бодрийяр, «сегодня игра окончена – все освобождено. И все мы задаем себе главный вопрос: что делать теперь, после оргии?» [там же]. Под «оргией» французский философ понимает как раз состояние абсолютной информационно-прозрачности (транспарентности) и духовной свободы.

Вне феномена транспарентности невозможно было бы понять едва ли не самую большую «странность» в текущем мировом кризисе – то, насколько быстрым и легким оказалось массовое идеологическое «зомбирование» в общем-то образованных, информационно подготовленных, свободно мыслящих (или представляющих себя таковыми) людей.

Не тяжелее, чем, скажем, идеологизация полуграмотного населения Российской империи в 1917 г. И дело здесь не только в логике «массового общества», критикуемого в свое время экзистенциалистами, или коллективных бессознательных архетипах, о которых писал К. Юнг. Очевидно, что современный человек, в отличие от героя начала XX в., значительно более информированный и индивидуалистичный, с более развитым личностным самосознанием, жизненным восприятием, представлениями о внутренней и внешней свободе. Но, оказывается, можно заложить любые коды в сознание даже такой, интеллектуально и граждански зрелой, личности, если предварительно провести операцию по «очищению сознания»: снятию ограничений с самого сознания, в результате чего внутренний посыл разума к свободе трансформируется во внешнюю (социальную) гиперсвободу информации и коммуникации.

Установка на информативную прозрачность и трансгрессию – снятие всех ограничений, как естественных, так и искусственных (социальных) – стала эффективным инструментом «обнуления» сознания. В условиях сингулярного бытия, динамичного и непредсказуемого, транспарентное, «обнуленное», «обесцененное» (лишенное ценностей как внутренних ориентиров эссенции и внешних границ экзистенции) сознание само по себе не способно определять жизненные горизонты. Человек как бы оказывается в состоянии невесомости в белой комнате: понять, где верх, где низ, невозможно. И здесь достаточно какому-то яркому пятну, чтобы разум «зацепило», потому что «нам нужен зримый континуум, зримый миф» [9, с. 8] как ориентир. Таким зримым «пятном» на фоне стерильно демократичной, информативно прозрачной и транссвободной действительности может стать, в принципе, любой социально значимый образ, любой социальный миф, обернутый в привлекательную, красочную знаковую «обертку».

В мире знаков и «радикального плюрализма» истин (идей), где каждая идея есть истина и каждая истина резонансно связана с реальностью, а значит, имеет право не просто на существование, но и претензию на трансцендентность, знак и значение становятся взаимно реверсивными [10]. Всякая идея имеет значение, т.е. квалифицируется как определенный «знак истины», а всякий знак – это континуум разнообразных фрагментарных идей. Если ранее знак выступал зримым («осязательным», вербальным) воплощением идеи, а идея обеспечивала детерминацию совокупности знаков, то сегодня, в условиях сингулярного бытия, знаки и идеи лишь резонируют и проецируют друг друга: знаки реальности проецируют идеи, идеи проецируют знаки и т.д. Ничего общего собственно с реальностью и те и другие могут не иметь.

Знаки – символические образы реальности (симулякры); вся совокупность знаков напоминает калейдоскоп: при каждом «встряхивании» – новая картинка и новая «реальность». Сингулярности – пазлы, отдельные симулятивные фрагменты бытия, только все вместе создающие картину мира. В условиях сингулярности идея представляется фрагментарно, теряет принципиальную целостность, становится фракталом, состоящим

из непрерывно курсирующих, сталкивающихся, резонирующих обрывков самоподобных идей. То есть идея вступает в противоречие с собой, но при этом не уничтожает себя, а, напротив, приобретает некоторую псевдоустойчивость. Конструкция напоминает вращающийся на острие мяч, причем, чем динамичнее вращение (смена знаков и их интеракция), тем больше «устойчивость» идеи. Такие псевдоцельные идеи, представляющие собой фрагментарные множественности и воплощающие сингулярное социальное бытие постмодерна, оформляются в мифологемы.

Мифологемы – мифы, отличающиеся особой социальной навязчивостью; фактически это род неврозов общества, но неврозов рационализированных, обоснованных и в результате переставших выглядеть как отклонение от нормы, по крайней мере, для обывателей. Вирус мифологем, проникнув в ткань социума, сделал сегодня саму социальную жизнь вирулентно мифологизированной.

Следует отличать современные мифологемы постмодерна от «старых» мифов как формы мировоззрения, прежде всего, традиционного, домодернового общества, несмотря на наличие некоторых общих признаков. Ролан Барт в своей работе «Мифологии» выявил как раз общие черты всякой мифологизированной действительности. Так, по Барту, миф – это не реальность, а знаковое отражение реальности; но это «кривое зеркало»; «кривизну» придает история – как реальная история того или иного общества, так и история возникновения того или иного мифа в обществе: «миф это слово, избранное историей» [11, с. 72]. Под мифом Р. Барт понимает определенную последовательность знаков, вызванную к жизни определенной последовательностью фактов или других знаков; поэтому миф – это всегда «вторичная семиологическая система» [там же, с. 77]. Миф неизбежно вписан в контекст событий; в сущности миф – это рассказ о событиях в зашифрованном виде, но при этом «миф ничего не скрывает; его функция заключается в деформировании, но не в утаивании» [там же, с. 85], «миф не есть ни ложь, ни искреннее признание, он есть искажение» [там же, с. 94]. Мифологизация всегда имеет императивный, агрессивно побудительный характер: «миф основан на внушении, он должен производить непосредственный эффект» [там же, с. 96], иначе стирается смысл мифа как мифа.

По мнению Барта, лучшим оружием против мифа является мифологизация его самого, создание искусственного мифа [там же, с. 102], но с этим сегодня едва ли можно легко согласиться. Современные мифы уже не только деформируют реальность, но и деконструируют реальность, создавая псевдореальность симулякров. И если раньше при мифологизации действительности, как иронично замечал Барт, «продельвался следующий фокус: реальность опрокидывали, вытряхивали из нее историю и заполняли природой» [там же, с. 11], то в современных социальных мифах «опрокинутая реальность» не заполнена ничем, кроме пустых знаков, уже не отсылающих ни к истории, ни к природе; ни к экономике, ни к геополитике. Ж. Делёз подробно рассматривает такие знаки, называя их «эзотерическими словами», действующими как переключатели соци-

ального сознания и массового поведения; среди них особо выделяются «слова-бумажники», бесконечно разветвляющие смысл, и «сокращающие слова», обеспечивающие заданную смысловую последовательность [3, с. 68–75].

Борьба с мифом посредством мифа (искусственного, специально сконструированного согласно определенному социальному заказу) – это «лекарство с побочными эффектами»; вместе с разрушением «старого» мифа может произойти (и сегодня уже происходит) трансмифологизация всей действительности; пандемия искусственно возвращенных мифов, еще более императивных и тотальных, при этом вовсе не связанных с реальностью, а значит, разрушительных для реальности или просто ее игнорирующих.

Традиционные же мифы всегда были связаны с действительностью. Отсюда известные мифы о потопе, об умирающем и воскресающем боге (олицетворяющие явления природы), о войнах богов (производные от войн племен, поклонявшихся разным богам). Современные социальные мифологемы, как уже отмечалось выше, ничего не отражают, но, напротив, формируют реальность. Традиционный миф отличался синкретизмом, образной целостностью; современные мифологемы – фрагментарные множественности; ни о какой целостности в них речь не идет, только о некоем пазловом соединении. Традиционный миф, являясь, по сути, результатом народного творчества, коллективного авторства нарождающейся культуры, не персонифицирован, апеллирует, главным образом, к позитивным чувствам и эмоциональным проявлениям, способным обеспечить сплочение и, значит, выживание сообщества; это первая попытка осознания единства, социальной как таковой. Традиционные мифы архетипичны, воплощают, прежде всего, коллективное бессознательное, но в то же время обеспечивают перевод чувственного восприятия на «язык разума».

Современные мифологемы – сознательно сконструированные посредством знаков образы социальной реальности; обладают вполне конкретным авторством, хотя большей частью имеют множество авторов. Множественность авторов мифологем часто создает иллюзию «смерти автора», ведь автором мифологем могут выступать не только индивиды, а определенные сплоченные социальные группы; авторство также может сознательно нивелироваться, скрываться, приписываться другому социальному субъекту; более того, «автором» мифологемы может быть симулякр или даже другая мифологема. Поэтому мифологема всегда персонифицирована, но не всегда возможно установить ее реальное происхождение.

Мифы выражали единение с миром (природы, общества), общее; современные социальные мифологемы фиксируют и усиливают разъединение, отличное; это результат производства общества распада, их задача – не обеспечить единство социальной среды, а усиливать и транслировать сингулярность. Поэтому мифологемы большей частью

активируют негативные чувства и переживания, глубинный внутренний конфликт современного человека с самим собой, с обществом, конфликт сознания и бессознательного, реальности и ирреальности, этики и эстетики и т.д. Согласно Ж. Бодрийяру, с помощью инструмента мифологемы «мы имеем дело с переводом зла в несчастье, а несчастья в рыночную или зрелищную ценность, – переводом, который чаще всего осуществляется при участии или с согласия самой жертвы» [11, с. 128]. Поэтому традиционные мифы созидательны (даже когда рисуют образы смерти, войны, противостояния), а современные мифологемы разрушительны (даже когда свидетельствуют о развитии и проявлениях жизни). Фактически мифологемы переводят осознанные ранее реальные вещи, рациональное на «язык бессознательного», создавая из знаков псевдореальность. И если мифы синкретичны, то мифологемы тотальны, ведь только тотальным проникновением во все сферы социального бытия, находящегося в состоянии сингулярности, можно связать социум в некоторое подобие целого: мифологемы выполняют роль «вяжущего вещества», идейного «полимера», скрепляющего отдельные сингулярные фрагменты социума.

В мифе трансцендентное представляется как трансцендентальное (некие общие основания бытия находят выражение в отдельных образах, идеях, концептах, и невозможное становится возможным); в современной социальной мифологеме трансцендентальное шифруется под трансцендентное и диверсифицирует трансцендентное: сингулярности как отдельные фрагменты бытия заявляют о своей претензии на «запределенность» и всеобщность, диктуя всему континууму собственные установки; это такое невозможное, которое – сознательно или бессознательно – скрывается за маской возможного. Поэтому претендующая на всеобщность мифологема как идейная сингулярность легко превращается в тоталитарную идею, ведь это единственный способ убедиться (и убедить мир) в собственной реальности и необходимости.

Под тоталитарностью идеи понимается ее восприятие как абсолютного императива, определяющего все сферы социальной жизни (индивида, группы), социальное поведение, несмотря на (часто) очевидную алогичность, и несоответствие действительности. Согласно Ж. Л. Нанси, именно тоталитаризм идей является ключевым принципом современного сообщества, которое французский философ называет не иначе как «непроизводимым» – неспособным создавать реальные вещи: реальную экономику, власть и т.п. В тоталитаризме идей (или «имманентизме») Нанси видит и непрерывное желание современного социума репрезентировать самое себя [1, с. 26]. То есть мифологема связана не столько с реальностью, сколько сама с собой и подобными мифологемами. Или, словами Ж. Л. Нанси, «миф отрезан от своего собственного смысла... своим собственным смыслом» [там же, с. 102], «миф означает сам себя и конвертирует свой собственный вымысел...» [там же, с. 105]. Сопоставление современной социальной мифологемы и традиционного мифа подоб-

но сопоставлению искусственного и естественного объекта, компьютерной игры и реального спортивного состязания.

Наиболее значимые и влиятельные мифологемы общества постмодерна, трансформировавшиеся в тоталитарные идеи: «демократия», «права и свободы человека», «толерантность». Так, Ж. Бодрийяр отмечает, что признак современности – тотальное навязывание идеи демократии как основной мифологемы западного мира, приводящее к «безудержной эскалации демократичности ценой инфляции ее установок и бесконечной спекуляции на ее идеях» [12, с. 124]. Ж. Л. Нанси подтверждает, что понятие «тоталитаризм» не стоит ассоциировать только с коммунистическим СССР или нацистской Германией; в тоталитарные могут превращаться любые современные сообщества, как и любые идеи, курсирующие в этих сообществах. Суть не в отдельных идеях или социальных средах; тоталитарность – «в целом горизонт нашего времени, в который вписаны и все демократии с их хрупкими юридическими парашютами» [1, с. 26]. Ален Бадью подчеркивает, что в современном мире демократия стала неким фетишем: «в наши дни быть демократом до сентиментальности обязательно» [13, с. 7] и «требуется храбрость отправиться по ту сторону демократического фетиша, такого, как мы его знаем» [там же, с. 2].

Речь идет, конечно, вовсе не о том, чтобы отвергнуть саму идею демократии; следует согласиться с тем же Нанси, что пока ее ничем заменить, и даже просто критика демократии может способствовать «риску уничтожения, чистой экспроприации и ничем не сдерживаемой эксплуатации» [7, с. 91]. Мы говорим о том, что тоталитаризация и фетишизация идеи демократии обесценивает смысл самой идеи, уничтожая демократию на корню. То же самое происходит с идеями «прав и свобод личности», «толерантности», с любыми идеями, трансформировавшимися в мифологемы и претендующими на тотальность.

В социально-политическом измерении распространение мифологем и панмифологизация действительности приобретают форму информационных войн. Информационная война в новейшую эпоху отнюдь не новость, достаточно вспомнить идеологическое противостояние, вошедшее в историю как холодная война между СССР и США. На первый взгляд, современная информационная война напоминает предыдущую, по крайней мере, оппоненты те же: Россия (как наследница СССР) и США (как гегемон западного мира). И все же это лишь поверхностное впечатление. Информационные войны XX в. – это войны в призме принципов общества модерна (несмотря на то, что определенные черты постмодерна уже проявлялись, по крайней мере, на Западе), это войны, прежде всего, различных социально-политических систем, государств, идеологические войны.

Сегодняшнее противостояние так же отличается от холодной войны XX в., как идеология отличается от мифологии. Современная информационная война – это конфликт социально-культурных систем, различных нарративов и ментальностей; это противостояние постмодерновых

или близких к постмодерновым сообществ, поэтому ведется она иными методами, среди которых ключевым является как раз использование специально сконструированных социальных мифов как определенных латентных «пакетов» знаков, программ активирования тех или иных социальных феноменов и свойств. Эксперты, общественные деятели уже квалифицировали текущий конфликт Россия – США как противостояние Запад – не Запад, как цивилизационный конфликт. Думаем, что это не противоречит сказанному, так как сами цивилизации есть определенные системы знаков. Полагаем, что правомерно также говорить и о конфликте общества постмодерна в его первоначальном варианте («классическом», если этот термин применим по отношению к постмодерну), представленном западной культурой и оригинальными, «неклассическими» формациями постмодерна незападных культур со значительной примесью принципов модернового или даже традиционного обществ. Не вдаваясь здесь в подробности, отметим, что роль России как форпоста противостояния Западу-постмодерну вполне обусловлена как культурно-исторически, так и геополитически местом русской (точнее, российской) культуры и цивилизации среди других цивилизаций и культур, а также тем, что с точки зрения ключевых принципов постмодерна Россия сама уже достаточно втянута в это пространство, ведь «бороться» против реальности симулякров можно только находясь в этой же реальности. В то же время Россия традиционно впитывает в себя западные, в данном случае постмодерновые, принципы, препарировав их в контексте собственной евразийской ментальности. В результате постмодерн как определенный вид социума здесь получает выборочное и ментально окрашенное выражение: например, политическое, но не экономическое, в сфере рекламы, но не в сфере семьи. Втянутая в современное гиперинформационное социальное пространство, Россия остается в некоторых ключевых аспектах постмодерна на его периферии. Но учитывая, что в ризоморфной постмодерновой социальной среде как динамичной нелинейно развивающейся «консистенции множественностей» [4, с. 8] первые «ветвления» вовсе не обязательно самые жизнеспособные и перспективные, вполне возможно, что изначально «периферийные», незападные культуры, впитав в себя соки постмодерна, окажутся и более эффективными, и даже более постмодерновыми.

Успех же или неудача в современных информационных войнах как воплощении принципа панмифологизации действительности определены будут тем, насколько конструируемая и деконструируемая на основании этого принципа реальность окажется жизнеспособной, вписавшись в контекст предыдущих знаков, знаковых (исторических) событий, аттракторов; другими словами, насколько вбрасываемые сегодня в социальное пространство мифы оказываются имманентны этому пространству.

В заключение отметим, что сингулярность как принципиальная неопределенность и незавершенность социальных субъектов, транспарентное, «очищенное» от любых ограничений сознание (социальное и личностное) создает условия для повсеместной мистификации и си-

мулирования реальности с помощью самого эффективного на сегодня инструмента – мифологем. В современном обществе ежесекундно и повсеместно происходит пролиферация – агрессивное разрастание отдельных идей, присвоение ими аксиоматического статуса и затем посредством этих идей тотальное программирование социального поведения. Противостоять этому процессу сегодня едва ли возможно, настолько он всеобщ, неконтролируем и имманентен современности – обществу постмодерна. В то же время этот процесс трансформирует постмодерновое общество или по меньшей мере обеспечивает актуализацию его новых модальностей.

Литература

1. *Нанси Ж. Л.* Не производимое сообщество / Ж. Л. Нанси. – М. : Водолей, 2009. – 208 с.
2. *Лиотар Ж.* Состояние постмодерна / Ж. Лиотар ; пер. Н. А. Шматко. – СПб. : Алетейя, 1998. – 160 с.
3. *Деррида Ж.* Письмо и различие / Ж. Деррида ; пер. с фр. под ред. В. Лапицкого. – СПб. : Академ. проект, 2000. – 430 с.
4. *Делёз Ж.* Ризома. Капитализм и шизофрения : тысяча плато / Ж. Делёз, Ф. Гваттари. – М. : АСТ, 2010. – 895 с.
5. *Nancy J. L.* The Inoperative Community / J. L. Nancy. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 1991. – 194 p.
6. *Делёз Ж.* Логика смысла : пер. с фр. / Ж. Делёз // Фуко М. *Theatrum philosophicum* : пер. с фр. – М. : Раритет ; Екатеринбург : Деловая книга, 1998. – 480 с.
7. *Нанси Ж. Л.* О событии / Ж. Л. Нанси // Философия Мартина Хайдеггера и современность. – М. : Наука, 1991. – С. 91–100.
8. *Бодрийяр Ж.* Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр. – М. : Добросвет, 2000. – 258 с.
9. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр. – Режим доступа: <http://exsistencia.livejournal.com>
10. *Манакова И. Ю.* О фиктивности, подменности и симуляции / И. Ю. Манакова // Вестник ВГУ. Сер.: Философия. – 2012. – № 2. С. 144–151.
11. *Барт Р.* Мифологии / Р. Барт // Семиотика. Поэтика / пер. С. Н. Зенкина. – М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2000. – 320 с.
12. *Бодрийяр Ж.* Пароли. От фрагмента к фрагменту / Ж. Бодрийяр // *Motsdepasse. D'unfragmentl'autre.* – Екатеринбург : У-Фактория, 2006. – 129 с.
13. *Бадью А.* Порнография настоящего / А. Бадью. – Режим доступа: <http://la-propagande-du-quotidien.tumblr.com/>

Московский государственный педагогический университет

Пилугина Е. В., кандидат философских наук, докторант кафедры философии, директор Территориального центра Российского нового университета
E-mail: elenavpilugina@yandex.ru
Тел.: 8-910-276-80-37

Moscow State Pedagogical University
Pilugina E. V., Candidate of Philosophical Sciences, Doctoral Candidate of the Philosophy Department, Director of Representation of Russian New University
E-mail: elenavpilugina@yandex.ru
Tel.: 8-910-276-80-37